

УДК 39:316.3

**ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ
СРЕДИ ЭТНИЧЕСКИХ МЕНЬШИНСТВ
В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ**

Т.А. Титова

Аннотация

Статья написана на материалах этнологического исследования украинского, немецкого, армянского и чувашского населения, проведенного в 2001–2004 гг. в городах Казань и Набережные Челны. Методологическая основа работы – конструктивизм, уделяющий особое внимание роли сознания и языка как ключевого символа, вокруг которого формируется понимание этнического своеобразия. Автор анализирует степень выраженности языкового компонента в этническом самосознании, подчеркивая его роль как внутригруппового этноинтегрирующего принципа; исследует связь национального языка и этнокультурных ориентаций, изучаемых групп в сфере духовной этнокультуры. Рассматривая национальный язык прежде всего как социально-психологический феномен, автор приходит к выводу, что в настоящее время он выполняет больше символическую роль групповой солидарности, нежели фактически используется представителями групп этнических меньшинств.

Этнолингвистические процессы в среде групп этнических меньшинств выполняют множество уникальных функций, которые невозможно равноценно восполнить никакими другими средствами. Данная уникальность подтверждается, прежде всего, особым значением национального языка в структуре этнической идентичности личности и в этническом самосознании народа. Роль языка как этнодифференцирующего признака имеет тенденцию к возрастанию¹. Однако, на наш взгляд, данный признак скорее выступает в роли символа этнического языка, нежели в качестве реально функционирующего в культуре ресурса.

«Язык, равно как и обычаи, традиции, мифы, стереотипы, неизбежно носит на себе нечто от истории этноса, национальности»². С помощью языка вырабатываются и функционируют образцы национальной культуры, закрепляются особенности мышления народа, его традиции, образ жизни. Язык служит средством волеизъявления и действия социальных групп и отдельного человека.

Осваивая язык принимающего общества, индивид тем самым невольно привлекает к разрушению своей групповой этнической и социокультурной целостности все силы существующей в этом обществе системы образования, средств

¹ Губогло М.Н. Мобилизованный этнолингвизм // Конфликтная этничность и этнические конфликты. – М., 1994. – С. 15.

² Гаджиева А.К. Американская школа: национальное самосознание и культура. – М., 1990. – С. 233.

массовой информации. В конечном счете, индивид в большей или меньшей степени становится носителем культурной традиции общества-реципиента, которая оказывает на него более серьезное влияние, чем он сам представляет.

Для групп этнических меньшинств в инонациональном окружении сохранение своего этнического языка является проблематичным. Тем не менее, язык продолжает играть для этих групп роль этноинтегрирующего фактора. Даже в условиях утраты большинством представителей группы этнического меньшинства национального языка он, тем не менее, используется как символический показатель утверждения этнической идентичности. Иными словами, признавая для себя родным свой национальный язык, человек утверждает свою этническую идентичность.

Современный Татарстан – это многонациональная и поликультурная республика. Поэтому проблема функционирования и взаимодействия языков является здесь актуальной. В формировании этноязыковой ситуации в Республике Татарстан основную роль играет взаимодействие русского и татарского языков, этнические носители которых составляют более 90% ее населения. Но нельзя не учитывать и другие народы полиэтничного Татарстана, обогащающие палитру республики в том числе и за счет миграционного прироста.

В качестве объекта данного исследования выступают группы этнических меньшинств: украинцы, армяне, чуваш и немцы, проживающие в городах Казань и Набережные Челны Республики Татарстан.

Основными источниками для написания статьи явились:

а) этносоциологический опрос, который проводился в рамках реализации научно-исследовательского проекта «Адаптация этнических меньшинств в трансформирующемся обществе: пример городов Республики Татарстан». Опрос проводился в период с 2001–2004 гг. с использованием метода полустандартизированного интервью с представителями этнических меньшинств. Отбор респондентов производился методом «снежного кома» (snowball), так как изучаемые группы расселены диффузно. Объем выборки составил 629 человек (412 человек в г. Казани и 217 человек в г. Набережные Челны). Выбор этих двух городов обусловлен следующими причинами: г. Казань, исторически являясь политическим, экономическим, культурным центром региона, привлекает большинство населения большей степенью вертикальной социальной мобильности. В г. Казани доля этнических меньшинств меньше, чем в целом по Республике и составляет по данным переписи населения 2002 г. 3.7%. Это обстоятельство вызывает исследовательский интерес к изучению этнокультурных процессов этнических меньшинств в специфической инонациональной среде, характерной для столичного города. Выбор г. Набережные Челны обусловлен тем, что этот молодой промышленный город в силу особенностей своего возникновения и социально-экономического развития характеризуется полиэтничным составом: доля этнических меньшинств составляет в структуре населения г. Набережные Челны, по данным переписи 2002 г., 9.2%, что выше, чем в целом по республике (7.6%)¹.

¹ Национальный состав населения Республики Татарстан: Статистический сборник по итогам Всероссийской переписи населения 2002 г. Т. 4 / Госкомстат РТ. – Казань, 2004. – С. 16, 36.

б) Материалы глубинных интервью с представителями исследуемых групп этнических меньшинств. При выборе качественных методов сбора данных мы остановились на методе глубинных интервью, которые проводились как с активистами и членами национально-культурных организаций, так и с представителями соответствующих этнических групп, не состоящими в общине. Всего среди исследуемых групп было проведено 60 глубинных интервью (40 в г. Казани и 20 в г. Набережные Челны).

При написании данной статьи также использовались как сопоставительные материалы следующих проектов: международного проекта «Этническая идентичность, национализм и разрешение конфликтов в РФ» (1993–1999 гг.) – руководитель Л.М. Дробижева; «Этническое самосознание и межэтническая толерантность в условиях полиэтничного города» (1998–1999 гг.) – руководитель Т.А. Титова; «Социальное неравенство этнических групп и проблемы интеграции в Российской Федерации» (1999–2001 гг.) – руководитель Л.М. Дробижева. Все выше перечисленные исследования проводились в различных регионах Российской Федерации, в том числе в Республике Татарстан.

В качестве методологической основы работы выступает конструктивистская методология, в рамках которой для определения этничности решающее значение имеет не культура этноса вообще, а те культурные характеристики, которые в данный момент подчеркивают различия и групповые границы. Согласно конструктивистскому подходу к пониманию этничности, порождаемое на основе дифференциации культур этническое чувство и формируемые в его контексте представления и доктрины представляют собой интеллектуальный конструкт, являющийся результатом целенаправленно созданных объективированных представлений о социальном мире. Конструктивистский подход уделяет особое внимание роли сознания и языка как ключевого символа, вокруг которого формируется понимание этнического своеобразия.

По данным нашего исследования, в целом в самосознании этнического меньшинства языковой компонент как внутригрупповой интегрирующий элемент играет второстепенную роль, уступая первостепенное значение категории «происхождение». Важная роль этноязыкового компонента подчеркивалась респондентами и в глубинных интервью:

Из интервью: *«Мой родной язык, конечно, армянский. Я одинаково свободно могу общаться и на русском, и на армянском языке, но со своими близкими друзьями-армянами я общаюсь почти исключительно на родном языке. Это нас объединяет»* (муж., 1966 г. р., армянин, г. Казань).

«У нас есть такое стихотворение о родном языке, написанное армянкой. В переводе звучит так: где бы ты ни был, / что бы ты ни делал, / будь хоть в другой стране, / хоть при смерти, / родной язык не забывай» (муж., 1965 г. р., армянин, г. Казань).

«Я ощущаю себя немкой, когда приезжаю на историческую родину, к родственникам, общаюсь с ними на немецком языке. Хотя сама я говорю плохо, но все понимаю, и вообще мне приятно слышать родную речь. Вот тогда у меня появляется ощущение, что я немка. В остальное время я об этом как-то не задумываюсь» (жен., 1951 г. р., немка, г. Набережные Челны).

«Несмотря на то, что живу в Казани с 1973 года, я ощущаю себя украинкой. Почему? Трудно объяснить..., но когда я приезжаю домой, на Украину, и мы там разговариваем не то чтобы на чисто украинском, но как бы на смеси украинского и русского... Или когда к нам приезжают родственники с Западной Украины и мы с ними на украинском разговариваем. Вот тогда это чувствуется особенно сильно» (жен., 1950 г. р., украинка, г. Казань).

Среди изучаемых этнических меньшинств заметны различия по степени выраженности языкового компонента в этническом самосознании. Так, чувашки в два раза чаще, чем немцы и украинцы, выделяют языковой признак в качестве объединяющего их компонента. Более выраженный характер языкового компонента в этническом самосознании демонстрируют армяне.

Существует мнение, что утрата исконного этнического языка может считаться свидетельством процесса распада этнической общности, показателем этнической и социальной ассимиляции: «утрачивая язык, народ перестает психологически осознавать свою идентичность, культурную исключительность, самобытность и пополняет количественно другие, мажоритарные этносы»¹. Большинство респондентов разделяет эту точку зрения. Приведем несколько фрагментов глубинных интервью, характеризующих отношение респондентов к этноязыковой ситуации, сложившейся в РТ:

«Состояние с немецким языком в настоящее время я расцениваю как ужасное... К 80–90 годам обрусение стало обычным делом, по переписи в СССР в 1989 году, самым ассимилированным народом были немцы.

Когда началась эмиграция в Германию, в первую очередь опустели немецкие села, и носители диалекта немецкого языка – они в большинстве своем находятся в Германии.

Нужно сказать, что настоящий немецкий язык не знает никто, тот современный язык, а не диалекты, в которых много русских слов, немецкими они не признаваемы.

Ныне лишь тоненькие ниточки связывают возрождающие национальные традиции с благословенным прошлым – это небольшое число семей казанских немцев, не погибших и не утративших культуры своих предков» (председатель Национально-культурной автономии немцев Татарстана (НКАНТ) В.Г. Диц).

Из интервью: *«Говорят, что погибает язык – погибает и народ. Мне кажется, это верно. Но мы забываем о том, что идут процессы интеграции, компьютеризации, развитие сети интернет. Необходим единый язык общения. Национальный язык должен сохраниться в культуре и искусстве. А язык общения должен быть единым. Люди со временем будут общаться на одном языке. А национальный язык сохранится для истории (как латынь). Для наших потомков то, что мы были чувашами, будет атрибутом прошлого. Но это естественный процесс, независимый от человека, языковая эволюция»* (жен., 1974 г. р., чувашка, корр. газеты «Сувар»).

Приверженность к национальному языку выполняет в сознании этнической группы конструирующую роль. По мнению Б. Андерсона, рассматривавшего

¹ *Нерознак В.П.* Современная этноязыковая ситуация в России // Изв. АН. Сер. Литературы и языка. – 1994. – Т. 53, № 2. – С. 16–28.

нации как «воображаемые сообщества», они существуют благодаря символическим ресурсам: «...члены даже самой маленькой нации никогда не будут знать большинства своих собратьев по нации, встречаться с ними или даже слышать о них, в то время как в умах каждого из них живет образ их общности»¹. Приверженность национальному языку, признание его в качестве родного может являться выражением признания членами сообщества такого образа их общности.

Существует и другая точка зрения, согласно которой в ситуации утраты языковой компетенции и ослабления языкового компонента в этническом самосознании происходит его компенсация за счет других элементов, таких как общность происхождения, религии, неязыковых форм духовной культуры. В ситуации усиления интегрирующей роли неязыковых элементов «общая система этнического самосознания остается в целом неизменной»².

Но при этом с понижением значимости языка в этническом самосознании понижается роль и других ее признаков, имеющих тесную связь с языком, функционирующих на основе национального языка. В первую очередь это национальная духовная культура, языковые формы профессионального искусства³. По данным нашего исследования около половины респондентов имеют в доме литературу на национальном языке, записи народной музыки, знают народные песни. Однако лишь 12% армян и около 5% украинцев и чувашей читают книги национальных авторов, треть отмечает народные праздники. 27% украинцев, 39% немцев и 48% армян посещают гастроли своих национальных театров. Очевидно, актуализация языкового признака в этническом самосознании армян и чувашей определяет более высокий уровень потребления и культурные ориентации изучаемых групп в сфере национальной духовной культуры, языковых форм профессионального искусства. В глубинных интервью респонденты – армяне и чувашаи – демонстрировали готовность приобретать литературу на национальном языке и записи национальной музыки.

Из интервью: *«У меня есть дома несколько книг на армянском языке. Хотя они лежат не на видном месте, отношение к ним совсем другое, нежели к русской литературе. И если я увижу книгу стихов на армянском языке, то обязательно приобрету»* (муж., 1966 г. р., армянин, г. Казань).

«На концерты и представления чувашских артистов я не хожу, т.к. не с кем, нет компании. Но иногда на свадьбах и других мероприятиях пою песни на чувашском языке. При случае покупаю кассеты с чувашскими песнями» (жен., 1957 г. р., чувашка, г. Казань).

Полученные в ходе нашего исследования материалы показывают, что наиболее высокая этноинтегрирующая роль языка наблюдается среди армян (более 80% респондентов в обоих городах считают родным национальный язык). Более 50% немцев и украинцев считают родным русский язык. Темпы языковой ассимиляции среди украинцев усиливаются за счет высокой степени родства с русским языком. Среди чувашей, по сравнению с другими народами, наиболее интенсивно распространено двуязычие.

¹ Андерсон Б. Воображаемые сообщества. – М., 2001. – С. 31.

² Губогло М.Н. Языки этнической мобилизации. – М., 1998. – С. 51.

Из интервью: «Я считаю родным чувашский и в какой-то степени русский язык, потому что хотя мои предки – чувашки, но русский мне тоже почти родной, ведь я на нем постоянно общаюсь, и это язык моей семьи. Мне даже трудно провести между ними разделение» (муж., 1955 г.р., чуваш, г. Казань).

Языковое поведение респондентов-армян является отражением ярко выраженной этнической солидарности, характерной для этой этнической группы. Это подтверждается и тем, что самым популярным ответом на вопрос о причинах осознания того или иного языка в качестве родного у армян как в г. Казани, так и в г. Набережные Челны оказалась позиция: «Это язык моего народа» (г. Казань – 68%, г. Набережные Челны – 63%).

Среди украинцев и немцев в обоих городах при ответе на вопрос «Почему именно этот язык Вы считаете родным?» лидировал вариант: «Это был мой первый язык» (украинцы: г. Казань – 45%, г. Набережные Челны – 60.4%; немцы: г. Казань – 62%, г. Набережные Челны – 49.1%). Большинство чувашей в г. Казани (48.5%) при ответе на данный вопрос выбрали позицию «Это язык моего народа», а в г. Набережные Челны – «Это был мой первый язык» (58.6%). Далее, с большим отрывом, следовали варианты: «Это язык моей матери», «Это язык моего отца».

М.Н. Губогло справедливо отмечает, что родной язык представляет личностный аспект. Называя тот или иной язык своим родным языком человек манифестирует прежде всего свое национальное (этническое) самосознание¹. Однако представляется необходимым внести дополнение. Этнопсихологическое понимание родного языка (в смысле языка своей этнической общности) у разных групп может основываться на разных представлениях: одни этнические общности могут подразумевать под родным языком реальное языковое поведение, другие – видеть в нем больше признак этнического самосознания. Определяющим фактором этого явления, на наш взгляд, является социальная среда. Иначе как объяснить тот факт, что среди членов армянской, немецкой и чувашской общин, являющихся жителями г. Набережные Челны, наблюдается большее (или одинаковое, как в случае с чувашской общиной) по сравнению с жителями г. Казани число людей, выделяющих язык своей национальности в качестве родного? При этом уровень языковой компетенции ниже, а число людей, думающих и изначально заговоривших на родном языке, либо совпадает, либо меньше. В то же время при равенстве степени интеграции с языком своей национальности среди казанской и набережночелнинской украинской общины украинцы, проживающие в г. Набережные Челны, характеризуются более высоким уровнем языковой компетенции и большим числом людей, первым языком которых был украинский.

Что касается языковой компетенции, то наиболее высокий показатель среди обследованных групп демонстрируют армяне и чувашки, среди которых 88% свободно говорят, читают и пишут на родном языке. 80% армян и 60% чувашей думают только на родном языке или на родном и русском языках. Материалы наших предыдущих исследований показывают, что татары Республики в сравнении с армянами демонстрируют более низкую языковую компетентность:

¹ Губогло М.Н. Языки этнической мобилизации. – М., 1998. – С. 51.

65–70% среди них свободно говорят, читают и пишут на татарском языке, около половины среди татарской городской молодежи считают, что наиболее свободно владеют русским языком. Среди сельской татарской молодежи доля свободно владеющих русским языком ниже.

Т.Г. Стефаненко отмечает, что для людей с бикультурной компетентностью характерно «переключение кодов», когда в зависимости от ситуации происходит переход с одного языка на другой¹. Среди наших респондентов около 40% армян и чувашей и около 20% украинцев и немцев указали, что для них характерна именно такая особенность.

Из интервью: *«Я обычно думаю на русском языке, но когда общаюсь с родственниками, начинаю думать на чувашском»* (жен., 1950 г. р., чувашка, г. Казань).

«Я читаю, пишу и разговариваю на армянском языке, а думаю где-то на 20% на армянском и 80% на русском языке» (муж., 1977 г. р., армянин, г. Набережные Челны).

«Дома я мыслю в основном на украинском, а на работе – на русском» (жен., 1950 г. р., украинка, г. Казань).

Языковая компетенция, безусловно, влияет на речевое поведение. Около 40% армян и чувашей и треть украинцев не стремятся повысить свою этноязыковую компетенцию.

Из интервью: *«Я общаюсь на родном языке с родственниками, когда приезжаю в деревню. С женой и детьми мы говорим по-русски, поэтому не вижу особой необходимости дополнительно изучать язык. Мне достаточно того, что есть»* (муж., 1955 г. р., чуваш, г. Казань).

«Язык я понимаю, но говорю плохо. Пока не работала, пыталась ходить в общину, чтобы лучше изучить язык. А потом устроилась на работу и забросила, потому что график был неудобный. Так и не удалось осуществить, хотя хотелось бы, конечно, лучше знать язык» (жен., 1951 г. р., украинка, г. Набережные Челны).

Наибольшее стремление изучить родной язык зафиксировано нами среди немцев (76% – г. Казани и 83% – г. Набережные Челны), что объясняется прагматическими соображениями респондентов. Каждый пятый из опрошенных немцев, проживающих в г. Казани, и почти половина – в г. Набережные Челны собираются сменить место жительства, причем 26% и 43.4% соответственно среди них планируют переехать за границу, преимущественно в Германию. Как видим, чем выше миграционные установки респондентов, тем шире среди них распространены намерения выехать за рубеж, тем больше число желающих изучить родной язык, ибо знание немецкого языка является важнейшим условием дальнейшей социальной адаптации.

Из интервью: *«Я целый год ходила в немецкое общество на языковые курсы. Это было связано с тем, что мы собирались выезжать. У меня тетя переехала в Германию, живет там уже 10 лет»* (жен., 1972 г. р., немка, г. Казань).

¹ Белинская Е.П.; Стефаненко Т.Г. Этническая идентичность: понятие, формирование, модели измерений // Этническая психология. Хрестоматия. – СПб., 2003. – С. 179–180.

Из интервью с председателем Национально-культурной автономии немцев Татарстана (НКАНТ) В.Г. Дицем: *«Даже на первом этапе эмиграции они (российские немцы) интегрировались с большим трудом. Они приезжали с другим менталитетом, существенно иным или совсем иным. Так получилось, что настоящий немецкий язык не знает никто, современный язык, а не диалекты, в которых много русских слов, немцами они не признаваемы».*

Живя между русскоязычным и татароязычным населением, практически все представители групп этнических меньшинств в республике владеют русским языком на бытовом уровне. По данным переписей 1970, 1979 и 1989 годов около половины представителей интересующих нас этнических групп указывали, что свободно владеют русским языком¹.

По данным переписи 2002 года, свободно владеют русским языком 95% армян, 99% немцев, 99% украинцев. 94% чувашей, проживающих в Республике². В данной ситуации вполне обоснованно мнение В.А. Тишкова, считающего, что «русский язык является культурной собственностью и капиталом не только русских, но и большинства мордвы, удмуртов, чувашей, бурят, осетин и многих других»³.

Количество представителей интересующих нас групп этнических меньшинств, считающих родным языком русский язык, увеличивается в среде городского населения и уменьшается в сельских населенных пунктах. По данным переписи 1989 года, в городах Республики Татарстан русский язык считали родным 49.9% украинцев, 23.7% чувашей и 38.4% представителей других малых этнических групп. В среде сельского населения РТ русский язык считали родным лишь 37.3% украинцев, 2.7% чувашей и 23.1% представителей других малых этнических групп⁴. Таким образом, мы можем констатировать, что тезис о том, что утрата языка ведет к утрате этнической идентичности, не находит подтверждения.

Важным аспектом этноязыкового поведения этнических меньшинств республики является изучение их установок на государственный татарский язык. Исследования по изучению языковой компетенции народов Татарстана, проведенные в 1990-х годах, показали, что знание татарского языка этническими меньшинствами республики существенно превышало языковую компетенцию русских, а в сельской местности разница была еще более существенна: каждый пятый из марийцев, удмуртов свободно владел татарским языком. Данная ситуация была характерна в целом и для иммигрантских меньшинств⁵. При ответе на вопрос нашего исследования: «Какими языками вы владеете?» – каждый десятый среди армян, немцев, украинцев и 38.6% чувашей отметили татарский язык.

¹ Итоги всесоюзной переписи населения 1989 г. Т. 2. Национальный состав населения ТАССР / Госкомстат РСФСР, Татарстанское государственное управление статистики. – Казань, 1990. – С. 22–25.

² Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. Т. 4. Национальный состав и владение языками, гражданство. – М., 2004. – С. 23–25.

³ Тишков В.А. Язык и алфавит как политика // Этнология и политика: статьи 1989–2004. – М., 2005. – С. 224.

⁴ Итоги всесоюзной переписи населения 1989 г. Т. 2. Национальный состав населения ТАССР. – С. 18–21.

⁵ Исхакова З.А. Функциональное взаимодействие татарского и русского языков в современном Татарстане // Язык и этнос на рубеже веков: этносоциологические очерки о языковой ситуации в Республике Татарстан. – Казань, 2002. – С. 29.

На развитие этноязыковой ситуации большое влияние оказывает психологическая установка населения на предпочитаемый язык для детей, поскольку это «говорит не только о реальном языковом поведении, но и об эмоциональном отношении к национальному языку, о ценностной ориентации по этому поводу»¹. Она определяется двумя параметрами: во-первых, степенью осознания необходимости владения детьми национальным языком и, во-вторых, выбором средств для достижения этой цели. На вопрос: «Хотите ли Вы, чтобы ваши дети владели национальным языком?» утвердительно ответили 69% украинцев, 71% чувашей, 83% немцев и 93% армян. Безразлично к этому отнеслись 20.7% украинцев, 16.8% чувашей, 8% немцев и 5% армян. Отрицательно – 6.9% чувашей и не более одного процента в других группах. Интересно, что лишь среди армян и немцев число тех, кто хотел бы, чтобы его дети знали национальный язык, превышает число тех, кто сам знает язык. Очевидно, что для представителей данных групп «язык принадлежит к значимым этническим ценностям, причем проявление этого стереотипа носит более выраженный характер не в реальном поведении, а в прожективном»².

Конкретные шаги в этом направлении намерены предпринимать менее 50% опрошенных украинцев и чувашей (53% украинцев и 62% чувашей в обоих городах затруднились назвать конкретные действия, которые они предпринимали или хотели бы предпринять для того, чтобы их дети владели национальным языком). Среди украинцев зафиксирован наиболее высокий показатель пассивной стратегии на изучение национального языка своими детьми (15.3% опрошенных не считают нужным ничего предпринимать для этого).

Из интервью: *«Детям все равно, у них нет никакой тяги к Украине, тем более что семьи у них смешанные: сын женат на татарке, у дочери муж наполовину татарин. У молодежи другие интересы»* (жен., 1931 г. р., украинка, г. Казань).

«У меня было такое желание, чтобы дети выучили национальный язык. Я пытался сам учить, но времени не было. Хотел, чтобы моя мать этим занялась, но она сказала: захотят – сами выучат» (муж., 1959 г. р., чуваш, г. Казань).

«Для меня родным языком является чувашский. Но мои дети его не знают. У них не было желания изучать чувашский язык, так как они общались в основном с русскими, а я не настаивала» (жен., 1957 г. р., чувашка, г. Казань).

В то же время 57% немцев и 68.6% армян готовы осуществлять и осуществляют действия в этом направлении. Среди приоритетных шагов были выделены следующие:

– общению на национальном языке в семье отдают предпочтение 26.8% украинцев, 22.6% чувашей, 28.1% армян и 29.4% немцев. По результатам нашего исследования, семья является главным агентом этноязыковой социализации во всех исследуемых группах;

– посещение общины или воскресной школы – 11.5% украинцев, 3.7% чувашей, 22.2% армян и 17.6% немцев;

¹ Пименов В.В. Удмурты: Опыт компонентного анализа этноса. – Л., 1977. – С. 95.

² Старовойтова Г.В. Этническая группа в современном советском городе. Социологические очерки. – Л., 1987. – С. 97.

– поездки на историческую родину – 6.1% украинцев, 5.8% чувашей, 7.1% армян;

– чтение специальной литературы, книг, учебников – 3% украинцев, 0.6% армян, 2.6% немцев. Незначительная роль национальной литературы, книг, СМИ в процессе этноязыковой социализации во многом связана с их явной недостаточностью, а иногда и полным отсутствием.

Из интервью: *«Хотелось бы, конечно, чтобы дети знали родной язык. Но сейчас уже поздно для этого что-либо делать. Все, что я могу – это отправлять их к родственникам в деревню для языковой практики. Язык они понимают, хотя говорят плохо»* (муж., 1955 г. р., чуваш, г. Казань).

«Дочь не знает армянского, и я не вижу необходимости предпринимать сейчас какие-либо шаги в этом направлении. Думаю, что стоит ей на лето съездить в Армению, то она будет разговаривать не хуже, чем я» (муж., 1960 г. р., армянин, г. Казань).

Большое влияние на этноязыковую ситуацию оказывает также история формирования группы. В этнодемографической структуре республики среди изучаемых нами групп самой «молодой» можно считать армян. По материалам нашего исследования, каждый пятый среди армян прожил в г. Казани не более 10 лет или является уроженцем города. Среди других изучаемых групп уроженцами г. Казани являлись не менее 70% участников опроса. Среди респондентов-армян 81% прибыли из Армении. Для 78% из них первым выученным языком был национальный. Большинство из них обучались также на национальном языке. Таким образом, можно констатировать, что социализация и длительное проживание в этнически родной среде положительно отражается на реальном функционировании национального языка и этнокультурных ориентациях в иноэтничном окружении. Также высокий уровень образования с национальным компонентом демонстрируют чуваш.

Итак, большое значение, придаваемое языку как этноконсолидирующему и этноинтегрирующему признаку представителями групп этнических меньшинств, подтверждает его важную роль в сохранении этнической идентичности. Однако, на наш взгляд, при конструировании этнической идентичности большее значение имеет символическая роль языка как этноинтегрирующего и этноконсолидирующего признака, нежели его фактическое знание и употребление членами группы.

Исследование выполнено в рамках реализации научно-исследовательского проекта «Адаптация этнических меньшинств в условиях трансформирующегося общества» при финансовой поддержке Фонда МакАртуров (грант № 02-73239 GSS).

Summary

T.A. Titova. The ethno-linguistical processes among ethnical minorities in the modern Russian society.

This article is written on materials of ethnologic research of Ukrainian, the German, Armenian and Chuvash population which have been carried out in 2001–2004 in cities of Kazan and Naberezhnye Chelny. The methodological basis of work – constructivism the methodol-

ogy giving special attention of a role of consciousness and language as key symbol around of which is formed understanding of an ethnic originality. The author analyzes a degree of expressiveness of a language component in ethnic consciousness, emphasizing its role as intragroup a principle; investigates communication of a national language and the ethnocultural orientations, investigated groups in sphere of spiritual ethnoculture. Considering a national language, first of all, as the social – psychological phenomenon, the author comes to a conclusion, that now it carries out more symbolical role of group solidarity, rather than is actually used by representatives of groups of ethnic minority.

Поступила в редакцию
14.09.06

Титова Татьяна Алексеевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры этнографии и археологии Казанского государственного университета
E-mail: tatiana.titova@rambler.ru